

Елена К.

Расследования Люси и Вадима: когда технологии лгут, а правда прячется в логах

<https://litres.ru/74609199>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Расследования Люси и Вадима: когда технологии лгут, а правда прячется в логах» — серия ироничных техно-детективов, где каждый эпизод — это остроумный взгляд на тёмную сторону «умных» сервисов.

Город теряет голос, погода врёт ради продаж, пушистые курьеры штурмуют мусоропровод, а счастье продают по подписке — и за каждой абсурдной ситуацией скрывается реальный этический конфликт. Люся и Вадим не просто распутывают цифровые преступления: они возвращают людям право видеть реальность без фильтров.

Смешные диалоги, харизматичный Барсик с кошачьей мудростью, напряжённая аналитика и неожиданные повороты держат в тонусе до последней строчки. Это не просто детективы — это зеркало цифрового мира, где даже самый обаятельный алгоритм может оказаться мошенником.

Идеально для тех, кто любит умные сюжеты, лёгкий юмор и истории, где технологии не всесильны, а честность — лучший апгрейд. Готовы раскрыть преступление, в котором главный подозреваемый — сам алгоритм? Тогда вперёд!

Содержание

Глава о совпадениях.	5
Глава первая: «Авария по расписанию, или, как я случайно раскрыла заговор голубей»	7
Глава вторая: «След из перьев и один очень подозрительный пакет»	14
Глава третья: «Перья, пакеты и одна очень подозрительная голубка»	21
Глава четвёртая: «Дело о пропавшем шарфе, или, когда улики сами приходят к тебе»	28
Глава пятая: «Брошь в банке с горошком, или, когда улика сама сдаётся»	35
Глава шестая: «Тень в подсобке, или, когда шутки кончаются»	41
Глава седьмая: «Консультант по человеческим странностям, или, как шарф чуть не стал вещдоком»	48
Глава восьмая: «Цифры не врут, или, когда интуиция сдаёт смену логике»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена К. Расследования Люси и Вадима: когда технологии лгут, а правда прячется в логах

Глава о совпадениях.

Важное официальное предупреждение (написано дрожащей рукой юриста, который всё равно не верит, что кто-то это читает) :)

Все совпадения в этих историях — абсолютно случайны. Ну, настолько случайные, насколько может быть случайным кот, который уверенно едет в мусоропровод, будто это VIP-маршрут.

Названия кафе, приложений, фирм и даже толстовки с надписями вроде «Я люблю тишину» или «Счастье — это выбор» — чистая фантазия. Никто не копировал ничьи логотипы, слоганы или алгоритмы, которые заставляют верить, что кофе из ведра — это «авторский купаж».

Имена персонажей? Совпадения. Технологии? Выдумка.

Даже Барсик — не чейто реальный кот (хотя, если у вас есть кот с такой же деловой хваткой и аппетитом, мы всё понимаем).

А если вдруг вы узнали в «Счастье по минутам» своё приложение, в «Тёте Зине» — любимое кафе, а в тестировщике Пухове — соседа по офису... это просто магия совпадений. Или очень хороший маркетинг. Но я тут ни при чём. Честно.

Так что расслабьтесь, пейте свой кофе (настоящий, без алгоритмов) и помните: это всего лишь истории. Ну, почти... :)

Глава первая: «Авария по расписанию, или, как я случайно раскрыла заговор голубей»

Люся Котова стояла посреди тротуара, держа в одной руке бумажный стаканчик с кофе, а в другой — пакет с эклерами, и искренне пыталась поверить, что этот день будет обычным. Ну, насколько вообще может быть обычным день, когда ты — «частный сыщик по случаю», а твой главный напарник — кот, который считает, что улики вкуснее, если их сначала понюхать.

— Барсик, не грызи лупу! — шикнула Люся, пытаясь одновременно удержать пакет, стаканчик и кота, который вцепился когтями в ремешок её сумки, будто это был спасательный трос. — Это инструмент!

Барсик посмотрел на неё с выражением «А я думал, это закуска» и демонстративно зевнул.

День начинался многообещающе. Люся шла к своей лучшей подруге Кате, чтобы забрать забытый вчера шарф (тот самый, с надписью «Я люблю расследования»), и заодно выслушать очередную историю про странного соседа, который по ночам выносит из квартиры мешки с чем-то подозрительно шуршащим. Катя работала администратором в торговом центре «Радуга», и Люся знала: если в радиусе пяти кило-

метров кто-то косо посмотрел на витрину, Катя уже в курсе. Но судьба, видимо, решила, что Люсе сегодня мало эклеров.

Прямо перед ней, у самого входа в «Радугу», стоял новенький, сверкающий, явно очень дорогой автомобиль. А на капоте этого автомобиля сидела... курица.

Не декоративная мини-курица, не игрушка, не костюм аниматора. Самая настоящая, с гребнем, перьями и взглядом, в котором читалось: «Я тут главная, не спорь».

Вокруг машины уже собралась небольшая толпа. Кто-то снимал на телефон, кто-то спорил, откуда она взялась, а охранник дядя Витя пытался её согнать, размахивая жёлтой жилеткой.

— Кыш, зараза! — шептал он, стараясь не делать резких движений. — У нас тут имидж!

Курица в ответ наклонила голову, посмотрела на него одним глазом, как на недостойного собеседника, и чинно переступила лапами.

Люся замерла. В её голове, привыкшей раскладывать всё по полочкам, тут же щёлкнуло: «Курица. На капоте. В центре города. Это не случайность. Это улика».

Она поставила стаканчик на бордюр, аккуратно положила пакет с эклерами сверху (чтобы не утащили голуби — а эти ребята, Люся знала, были организованной преступной группировкой) и достала блокнот. На обложке было выведено красивым почерком: «Важные заметки (и список покупок)».

— Так, — пробормотала Люся, записывая. — 1. Курица. 2. Капот. 3. Отсутствие объяснений. 4. Почему все смотрят на меня, будто я должна это решить?

В этот момент из торгового центра вылетела Катя. Волосы растрёпаны, бейдж перекосялся, глаза горят.

— Люся! — закричала она, хватая подругу за рукав. — Ты видела? Откуда она? Это же чья-то птица! Может, её украли? Или это часть рекламной акции? Или... может, это знак?

— Какой знак? — спокойно уточнила Люся, хотя внутри у неё уже крутились шестерёнки. — Что-то должно случиться?

— Да! — Катя махнула рукой в сторону витрины. — У нас сегодня презентация нового бутика «Шёпот роскоши». Туда приедет сама Эльвира Марковна — владелица сети, женщина, которая морщится, если кто-то неправильно произносит «кашемир». И если эта курица испортит ей настроение... меня уволят!

Люся посмотрела на курицу. Та, будто услышав, гордо расправила крылья и издала звук, подозрительно похожий на издевательское «ко-ко».

— Ладно, — вздохнула Люся. — Будем считать это вызовом. Барсик, на позицию.

Барсик, который до этого момента делал вид, что он просто гуляет мимо, тут же принял позу «я тут случайно, но готов к подвигам» — то есть сел, поджал хвост и уставился на курицу, как на врага нации.

Люся подошла к машине. Курица перевела на неё взгляд, полный достоинства.

— Ты тут не просто так, да? — тихо сказала Люся. — Ты — звено в цепи.

Курица моргнула.

— Может, она потерялась? — предположил кто-то из толпы.

— Или сбежала с фермы, — добавил другой.

— Или это отвлекающий манёвр! — вдруг выкрикнул мужчина в кепке, который до этого стоял в стороне и грыз семечки. — Пока мы на курицу смотрим, кто-то крадёт кассу!

Толпа ахнула.

Катя побледнела.

— Касса! — прошептала она. — О боже, я же не проверяла кассу с утра!

Люся подняла руку.

— Стоп. Без паники. Сначала курица, потом касса. Логика — наше всё.

Она наклонилась, стараясь выглядеть максимально не угрожающе (хотя с блокнотом в руке это было сложно), и прошептала:

— Слушай, пернатая, я не хочу тебя пугать. Но мне нужно знать: кто тебя сюда привёл? Или ты сама? Если сама — откуда? Из парка? С рынка? Из секретной лаборатории?

Курица наклонила голову. Потом, к всеобщему изумле-

нию, слезла с капота, подошла к Люсе и... клюнула её в ботинок. Не сильно, но выразительно.

— Это что, язык жестов? — растерянно спросила Люся.

И тут из дверей «Радуги» вышла Эльвира Марковна. Высокая, статная, в идеально сидящем костюме цвета слоновой кости. Она остановилась, посмотрела на толпу, на курицу, на Люсю с блокнотом — и её лицо превратилось в ледяную маску.

— Что. Здесь. «Происходит?» — произнесла она так, что даже голуби на соседней крыше притихли.

Катя сделала шаг вперёд, открыла рот, закрыла, снова открыла...

— Это... это... — пролепетала она.

Эльвира Марковна перевела взгляд на курицу.

— Уберите. Живо.

Дядя Витя, собравшись с духом, шагнул вперёд и схватил курицу. Та возмущённо заклохоталась, но сопротивляться не стала — видимо, поняла, что против такой энергетики не попрёшь.

— И чтобы я больше этого не видела, — процедила Эльвира Марковна и, развернувшись, исчезла за дверями.

Толпа начала расходиться, обсуждая увиденное. Катя обессиленно опустила руку на бордюр рядом с эклерами.

— Всё, — простонала она. — Меня уволят. Это был мой последний шанс.

Люся присела рядом, взяла один эклер (потому что стресс

надо заедать) и задумчиво посмотрела на Барсика. Тот уже успел обнюхать ботинок дяди Вити и теперь смотрел на Люсю так, будто говорил: «Ну что, будем расследовать?»

— Знаешь, — медленно произнесла Люся, — эта курица не могла просто так оказаться на капоте. Кто-то её туда посадил. И у этого кого-то была цель.

— Какая? — устало спросила Катя.

— Либо отвлечь всех от чего-то важного... — Люся сделала паузу. — Либо это и было самое важное.

Барсик мяукнул. В переводе с кошачьего это значило: «Или она просто хотела покрасоваться. Давайте есть эклеры».

Но Люся уже не слушала. В её голове складывалась картина. Курица. Презентация. Эльвира Марковна. Станный сосед с мешками. И тот факт, что сегодня утром кто-то украл все булочки из столовой на первом этаже — а это, по мнению Люси, вообще не могло быть совпадением.

— Катя, — тихо сказала она. — Расскажи мне всё. С самого начала. Про соседа. Про мешки. Про то, почему Эльвира Марковна так боится кур.

Катя подняла на неё глаза.

— Она не боится кур, — прошептала она. — Просто у неё аллергия на перья. И на стресс. А сегодня и то, и другое.

Люся кивнула. Теперь пазл складывался.

— Значит, кто-то знал, — пробормотала она. — Кто-то специально устроил эту сцену. И я выясню кто.

Барсик потянулся, зевнул и улёгся прямо на пакет с оставшимися эклерами — мол, расследование расследованием, но обед по расписанию.

А Люся достала ручку, обвела в блокноте пункт «Курица» и добавила рядом: «Мотив: аллергия + презентация. Подозреваемые: все».

День только начинался. И Люся чувствовала: это будет легендарное дело.

Глава вторая: «След из перьев и один очень подозрительный пакет»

Люся сидела на подоконнике в подсобке торгового центра, ела эклер (Барсик уже отвоевал себе половину и теперь философски вылизывал лапу, будто это была его заслуга) и пыталась выстроить логику. Логика, как назло, не выстраивалась.

— Смотри, — сказала Люся Кате, тыкая пальцем в страницу блокнота. — Курица на капоте. Появление Эльвиры. Аллергия на перья. Это не совпадение. Это... сценарий.

Катя нервно теребила бейдж.

— Но кто? Кому это нужно? У нас тут бутики, а не шпионский штаб!

— Именно поэтому и нужно, — уверенно заявила Люся. — В тихом месте самое интересное и происходит. Кто выигрывает, если презентация провалится?

— Ну... — Катя задумалась. — Конкуренты. У соседнего ТЦ в следующем месяце открытие похожего бутика. Или... кто-то из наших, кто хотел сорвать контракт. Или... — она понизила голос, — уборщица Тамара Степановна. Она терпеть не может Эльвиру Марковну. Говорит, что она «смотрит, как на пыль».

Люся тут же записала: «Тамара Степановна — мотив: про-

фессиональная гордость».

Барсик фыркнул, будто хотел сказать: «Вы серьёзно? Уборщица против владелицы сети? Это как я против пакета корма — неравные весовые категории».

— Ладно, — Люся закрыла блокнот. — Сначала проверим очевидное. Где держат кур в городе? Фермы, рынки, частные хозяйства... и зоомагазины.

— В зоомагазине кур не продают, — возразила Катя.

— А декоративных? А цыплят на Хеллоуин? А... — Люся запнулась. — Слушай, а помнишь, я тебе про соседа рассказывала? Про мешки?

Катя кивнула.

— Тот, который по ночам шуршит?

— Он самый. И знаешь, что меня беспокоит? Он живёт над магазином «Всё для дачи». А там продают...

— Корма, — хором закончили они.

Барсик поднял голову, будто понял, что сейчас решающий момент. И мяукнул. В переводе: «Если мы идём к подозрительному соседу, я иду первым. Вдруг там колбаса».

Они вышли из подсобки и тут же столкнулись с дядей Витей, охранником. Вид у него был помятый, но торжествующий.

— Отвёз я эту курицу, — сообщил он, понизив голос. — В приют для животных. Там сказали: «Опять кто-то выбросил». Но я-то знаю — её не выбросили. Её *поставили*. Как... как... ну, как вазу с цветами, только пернатую.

Люся прищурилась.

— Дядя Витя, вы гений. Это метафора, но очень точная. Значит, курица была реквизитом.

Дядя Витя гордо выпятил грудь.

— Я ещё и следы видел.

— Какие следы? — подскочила Люся.

— Ну, не куриные. Человеческие. Рядом с машиной. Один отпечаток — большой, сорок пятый размер. И... — он замялся, — пакет. Обычный такой, синий, с надписью «Фермерские радости». Я его убрал, чтобы не мешал проходу. Он в комнате охраны лежит.

Люся почувствовала, как внутри всё подпрыгнуло — то самое чувство, когда пазл начинает складываться.

— Ведите, — скомандовала она.

В комнате охраны на столе действительно лежал синий пакет. Люся осторожно, стараясь не трогать лишнее (хотя перчатки у неё были только зимние, с помпонами), развернула его. Внутри — несколько перьев, кусочек жёлтой верёвки и... этикетка с датой: вчерашний день.

— «Фермерские радости», — прочитала Люся. — Магазин на углу. Там продают яйца, корм, иногда цыплят.

— И ещё там работает племянник Тамары Степановны, — вдруг вспомнила Катя. — Ну, той самой уборщицы.

Люся посмотрела на Катю, потом на Барсика. Барсик уже сидел на пакете, потому что он был тёплый и пах чем-то съедобным.

— Барсик, слезь, — вздохнула Люся. — Это улика.

Барсик посмотрел на неё с упрёком: «Я не сижу, я анализирую запах».

И тут Люся заметила ещё кое-что. На дне пакета, почти незаметная, была маленькая наклейка — логотип. Не «Фермерских радостей», а какой-то другой фирмы: «Птичий двор». И адрес — пригород, деревня Малые Пруды.

— Вот оно, — прошептала Люся. — След.

Через двадцать минут они уже стояли у кассы «Фермерских радостей». За прилавком скучал парень в фирменной футболке.

— Здравствуйте, — вежливо начала Люся, доставая блокнот. — Скажите, пожалуйста, вы продаёте кур?

Парень поднял глаза, будто его разбудили посреди сна.

— Взрослых — нет. Только цыплят. И то по предзаказу.

— А пакеты ваши? — Люся показала синий пакет.

Парень кивнул.

— Да, наши. Мы их бесплатно даём.

— А кто вчера брал что-то из раздела «птицы»?

Парень почесал затылок.

— Да много кто. Но один мужик запомнился. Большой такой, в куртке с капюшоном. Взял верёвку, перчатки и... — он понизил голос, — коробку с цыплятами. Сказал, что для племянницы. Но цыплята были странные. Не жёлтые, а... пятнистые.

Люся переглянулась с Катей.

— Пятнистые?

— Ну да. Как будто их в краске купали.

Барсик, который всё это время сидел у двери и делал вид, что он просто мимо проходил, вдруг громко мяукнул.

— Что? — обернулась Люся.

Он посмотрел на Люсю, потом на дверь, потом снова на Люсю. И снова мяукнул — уже настойчивее.

— Ты что, хочешь сказать... — начала Люся.

И тут дверь магазина распахнулась. На пороге стоял тот самый сосед Кати — высокий, в тёмной куртке, с мешком в руках. Мешок подозрительно шевелился.

Сосед замер. Люся замерла. Даже кассир перестал дышать.

А потом из мешка донеслось тихое, но отчётливое: «Ко-ко».

— Это не то, что вы думаете, — быстро сказал сосед, но голос у него дрожал.

Люся шагнула вперёд, держа блокнот как щит.

— Тогда объясните, что это. И почему у вас в мешке курица, когда вы по ночам выносите странные пакеты?

Сосед опустил мешок.

— Потому что... — он вздохнул. — Потому что я спасаю их.

Катя ахнула.

— Спасаете?

— Да. Я работаю на птицефабрике. Там... там плохо с

птицами. Я потихоньку забираю тех, кого должны... ну, вы понимаете. И пристраиваю. Вчера я забрал одну курицу, которая... ну, она была слишком умная. Всё время смотрела людям в глаза. Я хотел её спрятать, но не успел. И она... вывалилась. И побежала. Прямо к машине. Я бежал за ней, но она оказалась быстрее.

Люся медленно опустила блокнот.

— То есть курица на капоте — это не заговор?

— Это побег, — тихо сказал сосед. — И погоня.

Барсик подошёл к мешку, осторожно понюхал и, кажется, одобрительно муркнул.

— Значит, никакого злого умысла? — уточнила Катя.

— Никакого, — покачал головой сосед. — Только перья и совесть.

Люся посмотрела на пакет, на этикетку, на соседа. И вдруг поняла: иногда самое странное дело оказывается самым обычным. Просто люди делают хорошие вещи так неуклюже, что это выглядит как преступление.

Она закрыла блокнот.

— Знаете, что, — сказала она. — Давайте сделаем так. Вы отдадите курицу в хороший приют. А я... я поговорю с Эльвирой Марковной. Объясню, что это был не саботаж, а... гуманитарная миссия.

Сосед посмотрел на неё так, будто она только что подарила ему второй шанс.

— Правда? Вы поможете?

— Конечно, — улыбнулась Люся. — Я же сыщик. Моя работа — распутывать, а не обвинять.

Барсик потянулся и запрыгнул на прилавок — не для улик, а просто потому, что там было удобно.

А Люся подумала, что день всё-таки получился необычным. И даже чуть-чуть легендарным. Пусть и без громкого преступления — зато с добрым концом.

Ну, почти без преступления. Потому что кто-то всё-таки украл булочки из столовой. И Люся была уверена: это дело она ещё раскроет.

Глава третья: «Перья, пакеты и одна очень подозрительная голубка»

После сцены с курицей торговый центр «Радуга» будто встряхнулся и решил вести себя как образцовое заведение: эскалаторы бежали бодро, витрины блестели, продавцы улыбались так, будто им заплатили за каждый миллиметр улыбки. Но Люся знала: под этим глянцем прячется тайна. И, возможно, ещё одна курица. Или хотя бы перо.

— Ладно, — сказала Люся, поправляя шарф с надписью «Я люблю расследования». — Сначала логика. Кто мог знать про аллергию Эльвиры Марковны?

Катя, которая всё ещё не отошла от потрясения, сидела на табурете в подсобке и нервно теребила бейдж.

— Ну... вообще все, — призналась она. — Эльвира Марковна сама об этом рассказывала. Громко. С выражением. Типа: «Если я увижу хоть одно перо в радиусе десяти метров, я закрою этот бутик к чёрту».

Люся кивнула. Это сужало круг подозреваемых... примерно до половины персонала «Радуги».

— А кто мог достать курицу? — продолжила она.

Катя задумалась.

— Ну, дядя Витя, наверное. Он раньше на птицефабри-

ке работал. Или тётя Зина из кулинарии — у неё там вечно что-то кудахчет в подсобке. Или... — она понизила голос, — этот странный сосед, про которого я тебе говорила. Он вчера выносил мешки, а сегодня утром я видела, как он покупал на рынке... что-то в коробке, из которой торчали перья.

Люся тут же записала в блокнот: «1. Дядя Витя. 2. Тётя Зина. 3. Странный сосед (перья в коробке)». Рядом она поставила три больших вопросительных знака и обвела их в кружок.

Барсик, который до этого момента делал вид, что он просто случайно оказался в подсобке, вдруг спрыгнул с коробки с бумажными полотенцами, подошёл к двери и громко мяукнул.

— Что там? — насторожилась Люся.

Барсик снова мяукнул и посмотрел на неё так, будто говорил: «Вы тут болтаете, а там что-то происходит».

Они вышли в коридор. И правда — у витрины нового бутика «Шёпот роскоши» стояла голубка. Не обычная городская хулиганка, а какая-то... нарядная. С блестящим пёрышком на шее и взглядом, в котором читалось: «Я тут не просто так, у меня миссия».

— Это что, вторая волна? — прошептала Катя. — Сначала курица, теперь голубка? Это какой-то птичий заговор?

Люся прищурилась. Голубка наклонила голову, посмотрела на них, потом развернулась и неторопливо пошла по коридору — будто приглашала следовать за собой.

— Она нас зовёт, — уверенно сказала Люся. — Барсик, ты чувствуешь? Это след.

Барсик фыркнул, но пошёл следом. Видимо, решил, что если уж приходится расследовать, то пусть хотя бы будет понятно, куда идти.

Голубка привела их к служебному выходу, где пахло мусором и приключениями. Рядом с контейнерами стоял тот самый «странный сосед» — высокий мужчина в тёмной куртке, с мешком в руках. Он как раз собирался его завязать, но, увидев Люсю, замер.

— Добрый день, — бодро сказала Люся, хотя внутри у неё всё напряглось. — А что у вас в мешке?

Сосед моргнул.

— Да так... мусор.

— Ага, — кивнула Люся. — И перья оттуда случайно выпали.

Она наклонилась и подняла с земли одно пёрышко — серое, с тёмным кончиком. Точно такое же, как у нарядной голубки.

Сосед покраснел.

— Я... я не то, чтобы... — забормотал он. — Просто я голубей кормлю. У меня тут... питомник. Ну, не питомник, а так... уголок. Они ко мне привыкли.

— И курица? — уточнила Люся.

Мужчина побледнел.

— Курица? Нет! Я с курами не вожусь! Я только голу-

бей...

В этот момент нарядная голубка подошла к нему, потерялась о ногу и издала тихий, почти воркующий звук.

— Вот, — вздохнул сосед. — Это моя Мира. Она умная. И... немного артистичная.

Катя приоткрыла рот.

— То есть... это не заговор? Это просто... перформанс?

— Нет, — твёрдо сказала Люся, листая блокнот. — Это всё ещё подозрительно. Зачем вы были у бутика? И почему Мира такая... блестящая?

Сосед вздохнул и сел прямо на бетон у контейнера.

— Понимаете, — начал он. — Я раньше работал в театре. Дрессировал птиц. А теперь... теперь я просто кормлю голубей. Но мне хочется, чтобы они были красивыми. Чтобы люди смотрели и улыбались. Я Миру украсил блёстками, думал, будет эффектно. А потом увидел, что в «Радуге» презентация... и подумал, что если Мира пролетит над витриной, все обрадуются...

Люся посмотрела на него. В его рассказе было столько неловкой искренности, что даже Барсик перестал шипеть и подошёл поближе — не угрожающе, а скорее с сочувствием.

— А курица? — напомнила Люся.

— Не моя! — быстро сказал сосед. — Клянусь! Я вообще боюсь кур. Они на меня шипят.

И тут из-за контейнера выглянула тётя Зина из кулинарии. В руках у неё был пакет, из которого доносилось тихое «ко-

ко».

— Ой, — сказала она, увидев всех. — А я тут... это... курицу искала. Она у меня сбежала. Я её в коробку посадила, а она... ну, вы понимаете.

Катя закрыла лицо руками.

— То есть это просто сбежавшая курица и голубка-артистка? Никакого заговора?

— Никакого, — подтвердила Люся, но тут же добавила: — Но мотив у тёти Зины всё-таки был.

Все посмотрели на неё.

— Какой? — спросила тётя Зина, прижимая пакет к груди.

— Вы хотели, чтобы на вашу кулинарию обратили внимание, — спокойно сказала Люся. — Курица на капоте — это реклама. Громкая.

Тётя Зина покраснела.

— Ну... может, и хотела. У нас продажи упали. А тут такой случай...

Катя медленно опустила руки.

— То есть вы специально её выпустили?

— Не совсем! — поспешно сказала тётя Зина. — Я просто не очень крепко закрыла коробку. А она... сама.

Люся вздохнула. В её блокноте рядом с пунктом «Курица» она аккуратно дописала: «Мотив: реклама кулинарии. Подозреваемая: тётя Зина (частично)».

— Ладно, — сказала Катя, выпрямляясь. — Значит, ни-

какого заговора. Просто... хаос.

— Хаос с мотивами, — уточнила Люся. — Это уже не хаос, а почти система.

Мира, голубка, подошла к Люсе и клюнула её ботинок — не зло, а будто поблагодарила за понимание.

Барсик посмотрел на это, фыркнул и направился к пакету тёти Зины. Там, судя по запаху, лежали пирожки.

— Эй, — окликнула его Люся. — Улики не едят!

Барсик обернулся, посмотрел на неё своими жёлтыми глазами и мяукнул: «Улики — нет. Пирожки — да».

И Люся не смогла с ним поспорить.

А вечером, когда «Радуга» закрылась, Люся сидела на скамейке у выхода, ела пирожок (один, ради науки) и смотрела, как сосед учит Миру делать красивый круг над фонтаном. Тётя Зина стояла рядом и давала советы: «Только не над витриной, а то Эльвира Марковна опять будет ругаться».

Катя присела рядом.

— Знаешь, — сказала она. — Это было самое нелепое расследование в истории.

— Зато честное, — улыбнулась Люся. — Иногда преступление — это просто желание, чтобы тебя заметили.

Барсик улёгся у её ног, положил голову на лапу и посмотрел на неё так, будто говорил: «День прошёл не зря. Мы нашли курицу. Мы нашли голубку. Мы нашли пирожки. Что ещё нужно?»

Люся закрыла блокнот. На последней странице она напи-

сала крупно: «Вывод: не все тайны — преступления. Иногда это просто люди, которые хотят быть услышанными».

И, возможно, это было самое важное открытие за весь день.

Глава четвёртая: «Дело о пропавшем шарфе, или, когда улики сами приходят к тебе»

Утро в «Радуге» началось с тишины — той самой, которая бывает сразу после большого переполоха. Будто торговый центр выдохнул и теперь делал вид, что никаких кур на капотах, голубей с блёстками и панических забегов по коридорам тут никогда не случалось.

Люся стояла у зеркала в подсобке Кати и критически осматривала свой наряд. Шарф «Я люблю расследования» висел на крючке — вчера она его сняла, чтобы не испачкать в крошках от пирожков, а сегодня... не нашла.

— Катя, — тихо, но с нарастающей тревогой произнесла Люся, — ты не видела мой шарф?

Катя, застёгивавшая бейдж, помотала головой.

— Не-а. А что?

— Ничего, — ответила Люся, но голос у неё дрогнул. — Просто это не просто шарф. Это... талисман. Без него я как сыщик без лупы. То есть вообще без ничего.

Барсик, который до этого момента вальяжно разлёгся на коробке с салфетками, поднял голову, прислушался, потом медленно сполз на пол, потянулся и направился к двери. У порога он остановился, обернулся, посмотрел на Люсю и мя-

укнул. В переводе с кошачьего это значило: «Если ты сейчас начнёшь паниковать из-за тряпки, я уйду к тётё Зине за пирожками. Там спокойнее».

Но Люся уже не слушала. В её голове щёлкнуло: «Пропажа. Опять. Сначала курица, потом шарф. Это не совпадение!»

Она схватила блокнот, открыла чистую страницу и крупно написала: «ШАРФ. МОТИВ: ???». Под вопросом поставила три восклицательных знака.

— Ладно, — сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у неё уже крутились шестерёнки теории. — Будем действовать по плану. Опрос свидетелей. Сбор улик. Логика.

Первым «свидетелем» стал дядя Витя, который как раз протирал шваброй пол у входа.

— Дядя Витя, — начала Люся, подходя с видом человека, который знает, что делает, — вы не видели шарф? Такой, с надписью?

Дядя Витя задумчиво почесал затылок.

— Видел, — признался он. — Вчера вечером он висел на вешалке у подсобки. А потом... потом тётя Зина сказала, что он мешает обзору, и перевесила его... куда-то.

— Куда?! — воскликнула Люся.

Дядя Витя пожал плечами.

— Ну, она говорила что-то про «место для рекламы». Или про «чтобы все видели». Я не очень слушал. У меня тут голубь на эскалаторе застрял, я его снимал.

Люся закрыла глаза, сделала глубокий вдох и напостила себе, что паника — плохой помощник в расследовании.

— Хорошо. Значит, тётя Зина. Ищем тётю Зину.

Тётя Зина обнаружилась у витрины кулинарии. Она как раз расставляла пирожки по корзинкам и напевала что-то бодрое. Увидев Люсю, она расплылась в улыбке.

— А, Люсенька! Как дела? Хочешь пирожок? С капустой? С мясом? С секретной начинкой?

— Тётя Зина, — твёрдо сказала Люся, — где мой шарф?

Тётя Зина на секунду замерла, потом быстро моргнула и сделала вид, что очень занята пирожком.

— Какой шарф, деточка?

— Тот самый, — процедила Люся. — С надписью «Я люблю расследования».

— Ах, этот! — вдруг радостно воскликнула тётя Зина и махнула рукой в сторону витрины. — Так он там! На манекене! Я подумала, будет красиво! Реклама!

Люся медленно повернулась и посмотрела на витрину. И правда: на манекене, рядом с корзинкой пирожков, висел её шарф. Но не просто висел — он был... стилизован. К нему прицепили маленький значок с надписью «Попробуй расследование на вкус!», а рядом положили буклет «Кулинария тётти Зины: раскроем секрет каждого пирожка!».

— Это... — прошептала Люся, — это маркетинг?

— Ну а что! — бодро сказала тётя Зина. — Ты же сыщик! Пусть люди видят: расследование — это вкусно!

Катя, которая подошла следом, прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться.

— Люся, это... это гениально, — выдавила она.

Люся посмотрела на шарф, на буклеты, на тетю Зину, которая смотрела на неё с надеждой, и вдруг поняла: ругаться нет смысла. Это уже случилось. И, возможно, даже к лучшему.

— Ладно, — вздохнула она. — Но в следующий раз... хотя нет. В следующий раз не будет. Потому что больше никаких «следующих раз».

Тётя Зина тут же закивала.

— Конечно, конечно! Я всё уберу! Прямо сейчас!

Но не успела она протянуть руку, как у входа раздался голос, от которого у всех похолодели спины.

— Что. Здесь. Происходит.

Эльвира Марковна стояла у дверей, в идеально сидящем костюме, с выражением лица, которое обещало, что кому-то сейчас будет очень плохо. В руке у неё был буклет с надписью про пирожки.

— Это... это не то, что вы думаете, — быстро сказала тётя Зина, пытаясь одновременно снять шарф и спрятать буклеты.

Эльвира Марковна посмотрела на витрину, потом на Люсю, потом снова на витрину.

— Вы... используете корпоративное пространство для рекламы кулинарии? — уточнила она ледяным тоном.

— Ну... — протянула тётя Зина, — мы просто хотели... привлечь внимание...

— Внимание, — спокойно сказала Эльвира Марковна, — у нас привлекают акциями, баннерами и согласованными макетами. А не шарфами с сомнительными надписями.

Люся сделала шаг вперёд.

— Это мой шарф, — сказала она. — И я... я могу его забрать. Прямо сейчас.

Эльвира Марковна перевела на неё взгляд.

— Вы та самая женщина с блокнотом?

Люся кивнула.

— Да. Я... расследую пропажи. И... разные происшествия.

На лице Эльвиры Марковны мелькнуло что-то похожее на интерес. Или на усталость от всего происходящего — Люся не успела разобрать.

— Пропажи, — повторила Эльвира Марковна. — У нас в бутике «Шёпот роскоши» вчера пропала одна вещь. Маленькая, но важная. Никто не заметил. А я заметила.

Все замерли. Даже Барсик, который как раз подкрадывался к пирожкам, остановился и поднял уши.

— И что пропало? — тихо спросила Люся.

— Брошь, — сказала Эльвира Марковна. — Старинная. С жемчужиной. Её мне подарила мама. Я оставила её на полке, а когда вернулась — её не было.

Катя ахнула.

— Но... мы же всё проверяли!

— Не всё, — спокойно сказала Эльвира Марковна. — Или кто-то очень хорошо прячет следы.

Люся почувствовала, как в груди снова загорается огонёк азарта. Курицы, голуби, шарфы — это было смешно. А вот пропавшая брошь — это уже настоящее дело.

— Я найду, — уверенно сказала Люся. — Даю слово.

Эльвира Марковна посмотрела на неё, потом на шарф на витрине, потом снова на Люсю.

— Надеюсь, — сказала она. — Потому что, если это окажется очередной перформанс с перьями, я закрою всю секцию кулинарии.

И, развернувшись, она ушла, оставив после себя тишину и ощущение, что ставки только что выросли.

Когда Эльвира Марковна скрылась за дверями бутика, тётя Зина тихо прошептала:

— Ой.

Катя посмотрела на Люсю огромными глазами.

— Ты правда сможешь найти брошь?

Люся достала блокнот, открыла новую страницу и написала: «БРОШЬ. МОТИВ???. ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ: ВСЕ (включая голубей)».

Барсик подошёл, понюхал страницу, фыркнул и сел рядом, будто говоря: «Ладно. Если надо — будем искать. Но сначала пирожок. Для энергии».

Люся улыбнулась.

— Договорились. Один пирожок. Но только один. А потом — расследование.

Она сняла шарф с витрины, аккуратно расправила его и надела. Надпись «Я люблю расследования» снова была на месте. И теперь Люся чувствовала: без неё она и правда, как без лупы.

— Итак, — сказала она, оглядывая торговый центр, — кто-то взял брошь. И сделал это тихо. Значит, он знал, где она лежит. И знал, когда можно взять.

Катя кивнула.

— То есть... это кто-то из своих.

— Именно, — подтвердила Люся. — И мы его найдём. По одной улике за раз.

А где-то в глубине коридора снова мелькнула нарядная голубка Мира — будто подмигнула и скрылась за поворотом.

«Интересно, — подумала Люся, — а вдруг и правда птицы что-то знают?»

Но вслух она этого не сказала. Потому что и так уже выглядела достаточно подозрительно.

Глава пятая: «Брошь в банке с горошком, или, когда улика сама сдаётся»

Люся стояла посреди коридора «Радуги», смотрела на свой шарф, на блокнот, на Барсика, который уже вовсю обнюхивал угол возле витрины, и думала: «Если это дело про брошь, то улики должны быть серьёзными. Не перья, не буклеты, а настоящие следы».

— Итак, — сказала она Кате, стараясь звучать как настоящий детектив из сериала, — у нас есть три факта. Первый: брошь пропала тихо. Второй: её взяла не случайная воровка с улицы — кто-то знал, где она лежит. Третий: никто не видел, как её брали.

Катя кивнула, хотя было видно, что она больше хочет спрятаться за стойку администратора, чем вести расследование.

— Значит, ищем того, кто был рядом, — прошептала она. — Кто-то из персонала? Или... или покупатель?

— Или тот, кто делает вид, что он покупатель, — добавила Люся и тут же поймала себя на том, что звучит как героиня нуарного фильма. Но ей понравилось.

Барсик вдруг замер, прижал уши, потом медленно повернулся и уставился на кулинарию тёти Зины. Точнее — на

полку с консервами у самой двери.

— Что там? — спросила Люся.

Барсик не ответил, но сделал шаг вперёд, потом ещё один, и вдруг прыгнул — не на полку, а на соседний ящик, толкнул лапой жестяную банку, и та с глухим стуком упала на пол.

— Эй! — крикнула тётя Зина, выбегая из-за прилавка. — Аккуратнее! Это горошек премиум!

Но Люся уже стояла рядом. Она подняла банку, осмотрела её. Обычная жестянка, ничем не примечательная. Но... крышка была чуть сдвинута, будто её открывали и закрывали снова.

— Странно, — пробормотала Люся. — Почему она не в ряду? И почему крышка не до конца закрыта?

Она повертела банку в руках, постучала по дну — и вдруг услышала тихий, но отчётливый звук: что-то внутри перекапилось. Не горошина. Что-то твёрдое. Металлическое.

— Катя, — тихо сказала Люся, — принеси открывалку. Только быстро. И никому не говори.

Катя метнулась к прилавку, вернулась с консервным ножом, дрожащими руками протянула его Люсе.

— Ты думаешь, там... брошь?

— Думаю, там что-то, чего быть не должно, — ответила Люся.

Она аккуратно поддела крышку. Металл скрипнул, крышка отошла, и из банки... выпала брошь. Та самая: с жемчужиной, чуть потускневшей от времени, но всё такой же изящ-

ной.

— Вот это да... — прошептала Катя.

Тётя Зина побледнела.

— Я... я не клала! Клянусь! Я вообще не трогаю банки!

У меня помощник всё расставляет!

Люся подняла брошь, стряхнула с неё гороховый сок (да, сок был — банка-то была вскрыта), и посмотрела на тётю Зину.

— Кто расставляет банки?

— Да... — тётя Зина запнулась. — Да внук мой, Сашка.

Он тут подрабатывает. Говорит, что ему скучно дома, а тут хоть движение.

В этот момент из подсобки вышел Сашка — парень лет шестнадцати, в слишком большой футболке и с наушниками на шее. Он увидел всех, замер, потом покраснел так, что стало видно даже сквозь веснушки.

— Это... это не я! — быстро сказал он. — То есть я ставил банки, но...

— Но ты нашёл брошь, — спокойно сказала Люся. — И не знал, что с ней делать.

Сашка опустил голову.

— Я её нашёл... в коридоре. У эскалатора. Думал, кто-то уронил. Хотел отнести администратору, но тут как раз Эльвира Марковна шла... а я... я её боюсь. Она на меня один раз так посмотрела, будто я уже что-то украл.

Люся кивнула. Она вдруг вспомнила, как сама в детстве

прятала найденную монетку в карман, потому что боялась, что её обвинят в краже, даже если она ничего не брала.

— И ты положил её в банку, — догадалась она. — Чтобы спрятать. На время. Пока не решишься отнести.

Сашка шмыгнул носом.

— Да. Я думал, никто не заметит. А потом забыл. Тут столько банок...

Катя тихо вздохнула.

— То есть это не кража... Это просто... паника.

— Именно, — сказала Люся. — Иногда преступление — это не злой умысел, а страх сделать что-то не так.

Эльвира Марковна появилась ровно через пять минут — будто чувствовала, когда происходят важные события. Увидев брошь в руке Люси, она на секунду замерла, потом подошла, взяла её, повертела в пальцах, и... впервые за всё время Люся увидела на её лице что-то похожее на облегчение.

— Спасибо, — коротко сказала Эльвира Марковна. — Я думала, что потеряла её навсегда.

Потом она посмотрела на Сашку, который стоял, опустив голову, и вдруг сказала:

— Молодой человек, в следующий раз, если найдёте что-то ценное, не прячьте это в банке с горошком. Подойдите к администратору. Даже если кажется, что на вас будут кричать.

Сашка кивнул, не поднимая глаз.

— Хорошо. Простите.

Эльвира Марковна чуть помедлила, потом достала из сумки визитку.

— У нас в головном офисе есть программа стажировок для подростков. Если хочешь, я могу порекомендовать. Там учат, как правильно обращаться с ценностями. И... как не бояться начальства.

Сашка поднял глаза.

— Правда?

— Правда, — спокойно сказала Эльвира Марковна.

Когда она ушла, тётя Зина обняла внука так крепко, что он чуть не задохнулся.

— Ну вот, — сказала Катя, вытирая слезинку, — а я думала, у нас тут криминальный синдикат.

Люся улыбнулась, поправила шарф и закрыла блокнот. На последней странице она написала: «Вывод: не всегда пропажа — это кража. Иногда это просто кто-то, кто очень боится сделать не так».

Барсик, который всё это время сидел рядом и наблюдал за происходящим с видом философа, подошёл, уткнулся носом в ботинок Люси и мяукнул. В переводе с кошачьего это значило: «Ну что, нашли. Теперь можно пирожок?»

— Один, — строго сказала Люся. — Для восстановления сил.

И они пошли к прилавку — не как сыщики и подозреваемые, а как люди, которые только что вместе спасли одну маленькую, но очень важную вещь.

А где-то в углу торгового центра нарядная голубка Мира сделала круг над фонтаном, будто аплодировала.

Глава шестая: «Тень в подсобке, или, когда шутки кончаются»

До этого момента все дела Люси держались на трёх китах: нелепости, бытовой панике и уверенности, что худшее, что может случиться в «Радуге», — это курица на витрине. Но в понедельник утром всё изменилось.

Люся пришла в торговый центр не по делу, а просто к Кате — выпить кофе и пожаловаться, что Барсик ночью устроил охоту на её носки и теперь один из них пропал без вести. Она как раз рассказывала эту трагедию, когда к стойке администратора подошёл Игорь Петрович — участковый, которого Люся привыкла видеть усталым, но спокойным. Сейчас он выглядел так, будто этот спокойный вид ему приходилось буквально удерживать.

— Люся, — сказал он, не здороваясь, — мне нужна твоя помощь. Не как шутке про шарф. По-настоящему.

Катя замерла с кружкой в руке. Даже Барсик, который до этого момента пытался стащить салфетку, перестал шевелиться.

— Что случилось? — тихо спросила Люся.

Игорь Петрович оглянулся, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и сказал:

— В подсобке бутика «Шёпот роскоши» нашли сейф.

Вскрытый. И пустой.

Люся почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — не азарт, а холод. Это уже не про горошек и не про шарфы.

— А Эльвира Марковна?

— Она в шоке, — коротко ответил Игорь Петрович. — Говорит, там были документы и деньги. Много. И самое главное — там была папка с контрактами, без которых она не может подписать сделку на открытие нового филиала. Если не найдёт её до пятницы — всё рухнет.

Катя тихо охнула.

— То есть... это не просто кража. Это... конец.

— Именно, — кивнул Игорь Петрович. — И я не могу вести это как обычное дело. У меня нет ресурсов на полноценное расследование в ТЦ. А ты... ты знаешь тут всех. И ты видишь то, что другие пропускают.

Люся посмотрела на свой блокнот — на обложку, где всё ещё было выведено «Важные заметки (и список покупок)». Сейчас список покупок казался чем-то из другой жизни.

— Хорошо, — сказала она твёрдо. — Я посмотрю. Но мне нужно всё: записи с камер, доступ в подсобку, список тех, кто был рядом в тот день.

Игорь Петрович чуть заметно выдохнул — будто боялся, что она откажется.

— Камеры я достану. Доступ дам. Но... будь осторожна. Это не про голубей. Тут кто-то знал, что делает. Подсобка бутика выглядела так, будто её не вскрывали — её аккурат-

но разобрали. Сейф стоял открытым, дверца была снята с петель, но вокруг не было ни царапин, ни следов от ломика. Всё было слишком... чисто.

Люся присела на корточки, провела пальцем по полу у сейфа. Пыль лежала ровно, только в одном месте — у дальнего угла — она была чуть сдвинута, будто кто-то стоял там и не хотел, чтобы его заметили.

Барсик обошёл комнату по периметру, принялся к сейфу, фыркнул и сел у двери, глядя на Люсю так, будто говорил: «Тут пахнет не пирожками. Тут пахнет бедой».

— Кто имел доступ? — спросила Люся, записывая в блокнот.

— Только Эльвира Марковна и её помощница, Марина, — ответил Игорь Петрович, стоя в дверях и стараясь не мешать. — Но Марина в тот день была на больничном. Официально.

— Официально, — повторила Люся. — А неофициально? Игорь Петрович пожал плечами.

— Проверим.

В этот момент в подсобку заглянула Катя. Лицо у неё было бледное.

— Я... я кое-что вспомнила, — прошептала она. — В тот день, когда всё случилось, я видела Марину. Здесь. У служебного входа. Она не выглядела больной. Она выглядела... злой.

Люся подняла голову.

— Злой? В каком смысле?

— Ну... она кому-то звонила и говорила: «Я не позволю ему всё забрать. Это моё». А потом увидела меня и сразу ушла.

Люся закрыла блокнот. Теперь пазл начал складываться, и он ей не нравился.

— Значит, у Марины был мотив, — тихо сказала она. — И доступ. И знание, где лежит сейф.

Игорь Петрович нахмурился.

— Но зачем ей красть собственные контракты? Это не имеет смысла.

— Имеет, — возразила Люся. — Если она хотела не украсть, а... подменить. Или использовать как рычаг. Или... отомстить.

Она встала, подошла к окну, посмотрела на улицу, на поток людей, которые шли мимо «Радуги», не подозревая, что за этими стенами сейчас решается чья-то судьба.

— Мне нужно поговорить с Мариной, — сказала Люся. — И мне нужно посмотреть записи с камер. Особенно за час до того, как обнаружили кражу.

Игорь Петрович кивнул.

— Записи будут через полчаса. А адрес Марины я тебе скину. Но... Люся. Если она действительно замешана, не иди одна.

Люся хотела сказать что-то бодрое вроде «Да ладно, я с Барсиком!», но посмотрела на кота, который сейчас выглядел не комично, а серьёзно — и промолчала.

— Ладно, — сказала она. — Возьму Катю. И... может, дядю Витю. На всякий случай. Марина жила в старом доме на окраине города. Квартира была аккуратной, но в ней чувствовалась спешка: на столе лежала стопка бумаг, рядом — распечатки каких-то писем, а на полке стояла фотография. Марина и Эльвира Марковна, ещё молодые, улыбаются, будто они лучшие подруги.

Когда Марина открыла дверь и увидела Люсю, Катю и дядю Витю (который, честно говоря, пришёл «просто постоять у подъезда, чтобы если что — крикнуть»), её лицо на секунду потеряло контроль — и в этой секунде Люся увидела всё: страх, вину и... обиду.

— Вы... — прошептала Марина. — Вы по поводу сейфа?

— Да, — спокойно сказала Люся. — Мы знаем, что ты была в ТЦ в тот день. И знаем, что ты злилась. Расскажи нам, что случилось.

Марина закрыла глаза, потом медленно опустилась на стул.

— Я не крала деньги, — тихо сказала она. — Клянусь. Но папку... папку я забрала.

Катя ахнула.

— Зачем?!

— Потому что в ней были копии документов, которые доказывают, что Эльвира... что она меня обманывала. Много лет. Переписывала контракты, убирала мои бонусы, делала вид, что я просто помощница, а не партнёр. Я нашла это слу-

чайно. И хотела... показать. Но не знала как. А потом поняла, что, если просто отдам — она скажет, что это подделка. Что я сама всё подстроила.

Люся села напротив, не как обвинитель, а как человек, который готов слушать.

— И ты решила... спрятать?

— Нет, — покачала головой Марина. — Я хотела показать их юристу. Но когда я пришла в офис, сейф уже был вскрыт. А папки не было. Я подумала... я подумала, что это Эльвира сама всё забрала, чтобы я ничего не доказала.

Люся переглянулась с Игорем Петровичем, который только что вошёл в квартиру.

— То есть ты не брала папку из сейфа, — уточнила она.

— Ты хотела её забрать, но кто-то опередил тебя.

Марина кивнула, и по её щеке скатилась слеза.

— Да. И теперь я не знаю, что делать. Когда они вернулись в «Радугу», Эльвира Марковна ждала их у стойки администратора. Лицо у неё было не ледяным, а уставшим — будто она наконец-то позволила себе устать.

— Это была не Марина, — сказала Люся прямо. — Кто-то другой знал про сейф. И про папку. И хотел, чтобы вы обе думали, что виноваты друг в друге.

Эльвира Марковна закрыла глаза.

— Я знаю, кто, — тихо сказала она. — Мой бывший муж. Он всегда хотел забрать бизнес. Говорил, что это он его построил. А теперь... теперь он нашёл способ.

Игорь Петрович достал телефон.

— Тогда это уже не дело торгового центра. Это уголовное дело. Я вызову опергруппу.

Люся посмотрела на Катю, на дядю Витю, на Барсика, который сидел у её ног и смотрел на всех по очереди, будто проверял, всё ли в порядке.

— Знаешь, — тихо сказала Катя, — я думала, что самое страшное тут — это курица на капоте.

Люся улыбнулась, но улыбка получилась грустной.

— Иногда самое страшное прячется за самыми обычными вещами. За шкафом, за сейфом, за улыбкой.

Барсик подошёл, уткнулся носом в её ботинок — не для того, чтобы выпросить пирожок, а чтобы напомнить: она не одна.

А вечером, когда всё улеглось, Люся сидела на скамейке у выхода из «Радуги», смотрела, как гаснут витрины, и писала в блокноте последнюю строчку: «Вывод: не все тайны смешные. Но если рядом есть те, кто готов слушать — даже самые страшные можно распутать».

И, может быть, именно в этом и была её сила — не в лупе и не в шарфе, а в том, что она умела видеть людей. Даже тогда, когда они изо всех сил старались быть невидимыми.

Глава седьмая: «Консультант по человеческим странностям, или, как шарф чуть не стал вещдоком»

Через две недели после истории с сейфом Люся сидела в кабинете Игоря Петровича — не на стуле для посетителей, а на том самом, который он обычно оставлял «для важных бумаг, чтобы не терялись». Только вместо бумаг там теперь сидел Барсик и с подозрением изучал зелёную папку с грифом «ДСП».

На Люсе был её фирменный шарф «Я люблю расследования», только теперь к нему прицепили бейдж с криво напечатанной надписью: «Люся Котова — внештатный консультант». Катя, которая помогала с оформлением, сказала, что это «стиль минимализма». Люся подозревала, что принтер в отделе кадров просто устал.

— Так, — сказал Игорь Петрович, раскладывая перед ней бумаги. — Ты подписала документы. Ты знаешь правила: не мешать следствию, не лезть в оперативные мероприятия, не опрашивать подозреваемых без сотрудника полиции.

Люся кивнула, стараясь выглядеть максимально серьёзно.

— Поняла. Никаких самостоятельных допросов. Никаких луп в лицо свидетелям. Никаких шарфов как орудия психологического давления.

Игорь Петрович на секунду прикрыл глаза, будто пытался удержать улыбку.

— Хорошо. Тогда первое дело. Пропал человек. Мужчина, 42 года, ушёл из дома за хлебом и не вернулся. Жена говорит, что он так не делает. Никогда. Даже если очень хочется есть — он сначала напишет в чат семьи: «Выхожу за хлебом, буду через 10 минут». А тут — тишина.

Люся достала блокнот. На первой странице крупно написала: «ХЛЕБ. МОТИВ: ???». Потом, подумав, зачеркнула «мотив» и написала: «ПРИВЫЧКА: писать в чат».

— Значит, дело не в хлебе, — сказала она. — Дело в том, что он нарушил свою систему. Для него это как... как если бы Барсик вдруг перестал требовать еду ровно в 19:00.

Барсик, услышав своё имя, поднял ухо и посмотрел на неё так, будто хотел сказать: «Я никогда не нарушаю систему. В отличие от некоторых».

Игорь Петрович подвинул к ней папку.

— Вот данные. Адрес, фото, список контактов. И... — он помедлил, — жена очень нервничает. Не дави на неё. Она и так на грани.

— Я не давлю, — спокойно сказала Люся. — Я слушаю. Это разные вещи.

Квартира пропавшего была аккуратной до болезненности: все чашки стояли ровно, все журналы — по датам, даже носки в корзине для белья лежали парами. Люся ходила по комнате, смотрела на детали, а не на общую картину. Потому

что общая картина — это «пропал человек». А детали — это «он не допил чай», «на столе лежит телефон, хотя он всегда берёт его», «в календаре обведена дата — завтра день рождения тёщи, и он всегда покупает торт заранее».

Жена, Ольга, сидела на диване, теребила край пледа и смотрела на Люсю так, будто от её слов зависело, вернётся ли муж.

— Он... он не мог просто уйти, — тихо сказала она. — Даже если бы мы поссорились. Он бы написал. Или позвонил. Или... я не знаю. Но не просто так.

Люся присела рядом, не слишком близко, но так, чтобы Ольга чувствовала: она здесь не как следователь, а как человек, который хочет помочь.

— Расскажите про вчерашний вечер, — мягко сказала она. — Не про ссору, если не хотите. Про обычный вечер. Что было до того, как он сказал, что пойдёт за хлебом?

Ольга вздохнула.

— Мы смотрели сериал. Он смеялся над шуткой. Потом встал, сказал: «Сейчас вернусь, куплю хлеб, заодно возьму торт — тёще завтра». И... всё. Больше я его не видела.

— Торт, — повторила Люся. — Для тёщи. Он всегда сам выбирает?

— Да, — кивнула Ольга. — У неё аллергия на орехи. Он всегда читает состав. Говорит, что «лучше перестраховаться».

Люся записала: «Торт. Тёща. Аллергия. Внимание к дета-

лям».

В этот момент в дверь постучали. Это был Игорь Петрович — он стоял в коридоре, держа в руках распечатки с камер наблюдения у магазина.

— Смотри, — сказал он, раскладывая снимки. — Вот он заходит в магазин. Вот выходит... с пакетом. А вот тут он сворачивает в переулок. И дальше — ничего. Камеры там нет.

Люся посмотрела на фото. На лице мужчины не было страха. Не было спешки. Он шёл спокойно, будто знал, куда идёт.

— А что в переулке? — спросила она.

— Там старый дом, — ответил Игорь Петрович. — Его расселили, но кто-то всё равно там бывает. Бомжи, подростки... или кто-то ещё.

Люся встала.

— Надо туда сходить.

Игорь Петрович нахмурился.

— Без меня — ни шагу. Это не торговый центр. Тут нет тётки Зины с пирожками.

— Ладно, — согласилась Люся. — Но я возьму Барсика. Он чувствует опасность раньше, чем я.

Барсик, который до этого момента делал вид, что он просто изучает плинтус, тут же вскочил и пошёл к двери. В переводе с кошачьего это значило: «Если там есть что-то странное, я его понюхаю. А если есть еда — тем более».

Переулком пах пылью и старой жизнью. Дом стоял тёмный, окна выбиты, но в одном из них на втором этаже мелькнул свет — не уличный, а тёплый, как от фонарика.

Игорь Петрович достал рацию, коротко доложил обстановку, потом повернулся к Люсе.

— Стой здесь. Я поднимусь.

Но Люся покачала головой.

— Нет. Я пойду с вами. Я вижу то, что вы не видите.

Он хотел возразить, но потом просто кивнул.

Они поднялись по скрипучей лестнице, стараясь не шуметь. На площадке второго этажа дверь одной из квартир была приоткрыта. Изнутри доносились голоса.

— ...я не могу так больше, — говорил мужской голос. — Каждый день одно и то же. Дом, работа, чат. Я задыхаюсь.

— Ты просто устал, — отвечал женский голос. — Но ты не можешь вот так исчезнуть. Ты же знаешь, что она с ума сходит.

Люся замерла. Игорь Петрович поднял руку, давая знак не двигаться.

— Кто там? — тихо спросил он, подходя к двери.

Из квартиры вышел... пропавший мужчина. Лицо у него было уставшим, глаза красными. Увидев Игоря Петровича и Люсю, он на секунду замер, потом опустил голову.

— Простите, — тихо сказал он. — Я не хотел никого пугать. Просто... мне нужно было побыть одному. Я пришёл к сестре. Она живёт тут... ну, временно. Пока не найдёт квар-

тиру.

Сестра, молодая женщина с такими же глазами, как у брата, подошла и встала рядом.

— Он позвонил мне вчера, — сказала она. — Сказал, что ему нужно спрятаться на один вечер. Я не думала, что его будут искать как преступника.

Ольга, которая стояла в дверях подъезда (Игорь Петрович успел ей позвонить), вдруг шагнула вперёд.

— Ты... ты живой, — прошептала она. — А я думала... я думала, что тебя больше нет.

Мужчина посмотрел на неё, и в его глазах появилось то, чего не было на фото с камер — раскаяние.

— Прости, — сказал он. — Я просто... забыл, что мир не крутится вокруг моих проблем.

Ольга подошла к нему и обняла. Не сильно, но крепко.

— В следующий раз, — тихо сказала она, — просто скажи. Даже если это будет звучать глупо.

Когда они вышли из дома, солнце уже садилось, и переулок выглядел не страшным, а просто старым. Барсик, который всё это время сидел на подоконнике и делал вид, что он тут случайно, прыгнул и подошёл к Люсе, уткнулся носом в ботинок.

«Всё хорошо», — будто говорил он.

Игорь Петрович посмотрел на Люсю и вдруг улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда понимают, что сделали что-то правильное.

— Знаешь, — сказал он, — в полиции мы ищем улики. Цифры, факты, следы. А ты... ты ищешь человека. И иногда это важнее.

Люся поправила шарф, на котором теперь красовалась маленькая булавка с надписью «Консультант» (Катя постаралась).

— Просто я знаю, — сказала она, — что люди не исчезают просто так. Они прячутся. Или кричат. Или молчат, потому что боятся быть неправильно понятыми. И если кто-то готов их услышать... значит, их можно найти.

В машине по дороге обратно Ольга тихо сказала:

— Спасибо. Я не знаю, как бы мы без вас...

Люся улыбнулась.

— Главное — не теряйте друг друга. Даже из-за хлеба.

А вечером, когда всё улеглось, Люся сидела дома, пила чай и писала в блокноте последнюю строчку: «Вывод: система нужна, чтобы защищать людей. А люди нужны, чтобы напоминать системе, что за каждой цифрой — чья-то жизнь. И иногда достаточно просто спросить: Ты в порядке?».

Барсик улёгся рядом, положил голову на лапу и посмотрел на неё так, будто говорил: «День прошёл не зря. Мы нашли человека. Мы не съели пирожок (почти). Что ещё нужно?»

И Люся знала: этого достаточно.

Глава восьмая: «Цифры не врут, или, когда интуиция сдаёт смену логике»

В кабинете Игоря Петровича пахло кофе, старыми бумагами и тем особенным напряжением, которое появляется, когда дело не про «забыл написать в чат», а про то, что может сломать чью-то жизнь. На столе лежала стопка распечаток, рядом — флешка с грифом «Для служебного пользования», а на стене висела схема, где стрелки и квадраты выглядели так, будто хотели сами себя запутать.

Люся сидела напротив, теребила край шарфа и старалась выглядеть так, будто она точно знает, что делает. Барсик, которого она сегодня взяла «для моральной поддержки», лежал у её ног, свернувшись в идеальный шерстяной шар, и делал вид, что он тут исключительно ради тепла, а не потому, что в участке слишком много чужих запахов.

— Это не «Радуга», — сказал Игорь Петрович, постукивая пальцем по папке. — Тут нет тёти Зины, нет голубей с блёстками. Тут есть цифры. И они не сходятся.

Люся кивнула, хотя внутри у неё всё слегка дрожало. Её сила была в том, чтобы видеть, как человек отводит взгляд, как сжимает пальцы, как замолкает на полуслове. А тут... тут были столбцы, проценты и какие-то формулы, от кото-

рых у неё рябило в глазах.

— Расскажи, — попросила она.

Игорь Петрович вздохнул, будто заранее знал, что ей это не понравится.

— Кража на складе логистической компании. Не коробки, не товары — деньги. Точнее, электронные переводы. Кто-то перевёл крупную сумму на подставной счёт. И сделал это так чисто, что следов почти нет. Только цифры. Время перевода, IP-адрес, цепочка транзакций. Всё это есть в отчётах. Но человека — нет.

Он подвинул к ней распечатку. Люся посмотрела на строчки: время, суммы, коды, непонятные аббревиатуры. Ей вдруг захотелось найти хоть одно слово, за которое можно зацепиться. Хоть «привет», хоть «спасибо». Но там были только цифры. Холодные, равнодушные, упрямые.

— И что я должна тут увидеть? — тихо спросила она. — Я вижу... математику.

— Именно, — кивнул Игорь Петрович. — И это проблема. Мы привыкли искать человека. А тут человек спрятался за цифрами. Он не оставил отпечатков пальцев. Он оставил... алгоритмы.

Люся прикусила губу. Её привычный метод — слушать паузы, замечать дрожь в голосе, видеть, как кто-то слишком старательно не смотрит на фотографию, — тут был бесполезен. Тут нужно было другое зрение.

— Мне нужен кто-то, кто понимает этот язык, — сказала

она. — Кто-то, кто видит в этих цифрах историю.

Этим «кем-то» оказался Вадим — молодой аналитик из отдела кибер расследований. Он выглядел так, будто только что вышел из сериала про хакеров: свитер с высоким горлом, очки, волосы, падающие на глаза, и пальцы, которые летали по клавиатуре быстрее, чем Люся успевала моргать.

— Смотри, — сказал он, разворачивая монитор так, чтобы Люся видела экран. — Вот время перевода. 03:17. В это время на складе никого не должно быть. Система показывает, что все сотрудники ушли. Но в логах есть вход в систему с рабочего компьютера начальника смены. Как будто он сам всё сделал.

— А он? — спросила Люся.

Вадим покачал головой.

— Он клялся, что был дома. И у него есть алиби: жена и видео с камеры у подъезда. Значит, кто-то вошёл под его учёткой. Или у кого-то был доступ.

Люся посмотрела на экран, на эти строчки, на время, на коды, и вдруг поняла: тут тоже есть паузы. Только они не в словах, а в действиях. Пауза между входом в систему и переводом. Пауза между закрытием сессии и тем моментом, когда система зафиксировала ошибку.

— А вот эта ошибка, — тихо сказала она, указывая на строчку. — Она случайная?

Вадим поднял брови.

— Ты заметила? Да. Это сбой. Кто-то нажал не ту кнопку.

Или поторопился. В идеальных схемах ошибок не бывает. А тут — есть.

— Значит, он нервничал, — сказала Люся. — Даже тут, за экраном, он боялся.

Вадим посмотрел на неё так, будто увидел что-то новое.

— Знаешь, — медленно произнёс он, — ты смотришь на цифры, но видишь человека. Это редкий навык.

Люся чуть улыбнулась.

— Просто я знаю, что даже когда человек прячется за экраном, он всё равно оставляет след. Только не ногой, а... пальцем. Дрожащим пальцем.

Они поехали на склад вместе — Люся, Вадим, Игорь Петрович и Барсик, который наотрез отказался оставаться в машине и теперь сидел на коленях у Люси, делая вид, что он тоже изучает план здания.

Склад был огромным, холодным и каким-то слишком правильным. Ряды стеллажей уходили в темноту, камеры смотрели сверху, как строгие учителя, а воздух пах металлом и одиночеством.

Начальник смены, Сергей, встретил их у входа. Он был бледным, уставшим и явно хотел, чтобы они ушли.

— Я вам всё показал, — сказал он. — Логин, пароли, журналы. Я не брал.

Люся не стала его жалеть. Она знала: жалость сейчас помешает.

— Расскажите про тот вечер, — спокойно сказала она. —

Не про систему. Про себя. Где вы были? Что делали? Кто к вам подходил? Кто спрашивал про доступ?

Сергей помолчал, потом выдохнул.

— Я... я оставил компьютер включённым. На пять минут. Пошёл в туалет. А когда вернулся — он уже был закрыт. Я подумал, что сам закрыл. Или система. А теперь... теперь я понимаю, что кто-то воспользовался.

— Кто знал, что вы оставляете его включённым? — спросил Вадим.

Сергей опустил глаза.

— Все, — тихо сказал он. — Это... это тут нормально. Все друг другу доверяют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.